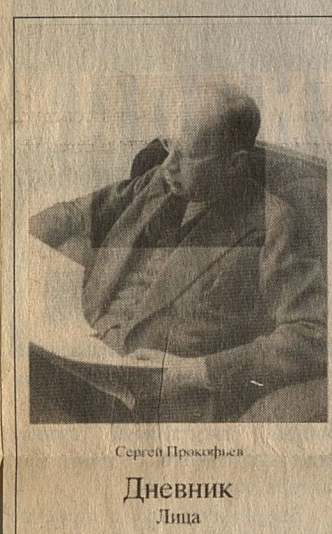
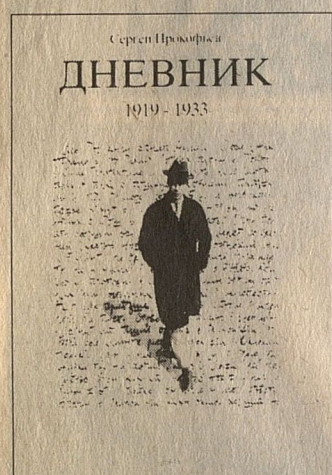
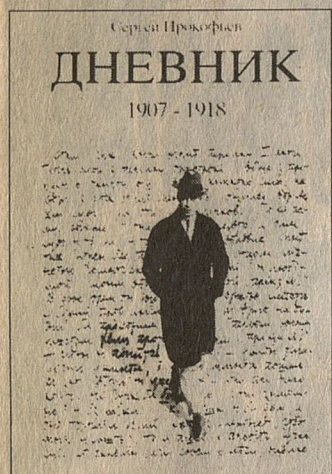

Сатирикон для меломанов

Жизнь Сергея Прокофьева, остроуслова и реалиста

Наталья Осминская

Сергей Прокофьев. Дневник. Часть I. 1907-1918. Часть II. 1919-1933. Часть III. Лица. - Paris: sprkfv, 2002, 812 с., 892 с., 61 с.

Сергей Прокофьев умер 5 марта 1953 года, в один день со Сталиным. На похороны к нему не пришел ни один человек - страна оплакивала Вождя. Власть всегда, даже в траурном облике, чужда гуманизма. Но власть стремилась затмить не только смерть, но и жизнь композитора. В 1955 году архив Прокофьева, включая его дневник, был вывезен из США в СССР. По решению специальной комиссии все документы были переданы в ЦГАЛИ и не подлежали рассекречиванию. Никто, кроме наследников, не имел права знакомиться с ними.

Так что факт издания этих дневников волей-неволей прочитывается не только в биографическом, но и в политическом контексте. Полстолетия должно было пройти, чтобы музыкант получил право на жизнь, на смерть и на собственный голос.

«Дневник» Сергея Сергеевича Прокофьева издан в Париже его потомками. Специально к годовщине смерти. Пусть без комментариев, без научного аппарата, но все равно - труд титанический. Прокофьев писал, опуская гласные. Чтобы подготовить текст к печати, пришлось расшифровать скоропись, о читабельности которой любопытствующий может составить себе представление по обложке нынешнего издания: там эффектный и энергичный Сергей Сергеевич изображен шагающим по фрагменту собственных записей от 8 сентября 1927 года.

Объем «Дневника» впечатляет: 2000 страниц сплошного авторского текста убогим шрифтом. 26 лет почти ежедневного бытописания, с редкими пропусками в период путешествий и гастролей. Банальное сравнение с «Войной и миром» наводит на точное определение жанра этих записок - дневник-эпопея.

Прокофьев принялся вести дневник («пожалуй, что дневник»), когда ему было 16 лет. Закончил на 42-м году жизни. В промежутке вся юность и расцвет зрелости - аллегро и часть тарго, если переложить человеческую биографию на язык классической трехчастной симфонии. Как бы ни было жаль, что дневник обрывается в 1933 году, главное - экспозиция и разработка характера - в нем есть. Отсутствует лишь ясность в отношении каденции. Да и это неспроста, видимо: прокофьевская эпоха - время неклассическое, однозначных исходов не знает.

Что такое прокофьевский дневник? Первая часть (1907-1918) - это труды и дни молодого музыкального гения: донжуанские списки хорошеньких консерваторок и феерия дерзких выходок, вагнерианские дебаты и консерваторская рутина. Профессиональное взросление Прокофьева проходит на фоне непреодолимой ребячливости. Первые гонорары у нотного издателя Юргенсона описываются ровно с таким же при-

нудом. Ему положительно удаются характеры учителей, соучеников, близких и мимолюбных знакомых. Он виртуозно владеет техникой мизансцен: «Я: - Николай Николаевич, что ж это вы не в шубе? - Да уж так... сегодня кажется ничего... тепло... - Смотрите, простудитесь: всего 18 градусов тепла!..» «Дневник» Прокофьева - это такой Сатирикон для меломанов. Природное остроумие, помноженное на известную задиристость, придает прокофьевскому стилю блеск рассказов Аверченко, которого композитор, кстати, очень любил. Писательский запал Прокофьева столь велик, что он даже меняет порядок датировки записей: «Если бы мой дневник касался отвлеченных понятий - моей духовной жизни, оставляя в тени реальные события, то пометки, когда писан дневник, имели бы больше смысла. Но так как мой духовный мир слишком зависит от реальной жизни, то я главным образом отмечаю факты, описывая день с утра до вечера. А потому я впредь буду выставлять дату того дня, о котором пишу».

роде зла, сущности Бога и источнике творческой деятельности: «Старый вопрос - есть или нету Бога - принимает несколько иное освещение, если поставить его иначе, а именно: творчество в природе сознательно или бессознательно? Атеисты, по-видимому, утверждают, что оно бессознательно. Если же допустить, что оно сознательно, то это и есть уже Бог! В теориях атеистов - какая-то шаткость: как это бессознательное творчество природы нашло в себе элементы сознательного человека, и когда этот человек все осознал, то он оказался все-таки глупее бессознательной природы, постоянно удивляясь ей и получая от нее уроки? Довольно обидно и глупо. И как все стройно, как только допустить сознательное творчество».

Нельзя сказать, что в этих пассажах Прокофьев как-то особенно оригинален. С середины 1920-х он становится приверженцем Christian Science Church, Христианской Науки, изобретенной некой Мэри Бэкер Эдди. Читает соответствующую

Природное остроумие, помноженное на известную задиристость, придает прокофьевскому стилю блеск рассказов Аверченко

страстием, как и дружеские размовки. Подготовка к пианистическим конкурсам занимает его едва ли больше, чем любовные увлечения. Однако чем дальше, тем больше музыка поглощает его время. Наступает пора широкого признания, ознаменовавшаяся первой поездкой за границу, первым заказанным Дягилевым балетом, американскими гастролями. Многочисленные ангажементы не мешают Прокофьеву прислушиваться к внешним, политическим, событиям. Мировая война и революция проходят по страницам 1914-1918 годов побочной линией забастовок, манифестаций и бытовых неурядиц.

Пожалуй, в этом и состоит главная особенность прокофьевских записок: они ближе к автобиографической прозе, чем к рабочим тетрадям. Прокофьев мастерски - темпераментно, сочно, ярко - описывает свою буднич-

Острословом и реалистом предстает Прокофьев в первой половине 1910-х годов.

Вторая часть (1919-1933) в географическом отношении - негатив первой. До 1927 года Прокофьев с семьей живет за границей. В 1927-м ненадолго приезжает в Россию, потом опять - в Европе и Америке, пребывая в раздумьях относительно возвращения на родину вплоть до 1936 года. О характере ностальгических метаний пишет скупно: «...был в кинематографе на русском языке. Много приятного и родного, особенно волнующееся поле ржи. Ехать - не ехать в Россию?» Как всегда, больше о фактах (концертах, репетициях, встречах, сочинениях). Хотя со временем его все чаще клонит в философию. Психологический тренинг, замешанный на Шопенгауэре (им Прокофьев увлекался в 1910-е), сменяется размышлениями о при-

родную литературу, посещает службы, скрепя сердце выслушивает скверно исполняемые псалмы. Иными словами, мыслит себя религиозным человеком, хотя и остается верным себе, выискивая в Библии крупинку юмора. Стал мистиком? Утратил чувство реальности? Но вера в Бога - не это ли высшее проявление реализма?

Дневник обрывается в июне 1933 года, когда Прокофьев второй раз покидает СССР и въезжает в гитлеровскую Германию. С нацизмом ему все ясно с самого начала: «Гитлеровский Берлин, порядок и чистота. Я не даю гитлеровцу, собирающему пожертвования». Однако и решения вернуться в Россию на тот момент пока еще нет: кажется, что композитор так и будет счастливым космополитическим исключением из национально-тоталитарной идеологии XX века.

Двадцатидвухлетний Сергей Прокофьев со своим закадычным другом Борисом Захаровым после премьеры Второго концерта. Териоки, 1913 год